

К. М. Корчагин

*Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН / Институт языкознания РАН
stivendedal@gmail.com*

ВЕНИАМИН БЛАЖЕННЫЙ КАК СОВРЕМЕННОК БИТНИКОВ: В ПОИСКАХ НОВОЙ СУБЪЕКТИВНОСТИ

Синкретическая духовность В. Блаженного, воплощенная в его стихах, рассматривается в контексте учения Франциска Ассизского, философии унитаризма, «битнического дзена». В ранних стихах поэта обнаруживается сходство с У. Уитменом.

Ключевые слова: *битники; пантеизм; унитаризм; дзен; В. Блаженный; Р. У. Эмерсон; У. Уитмен; Д. Керуак; Г. Померанц.*

Вениамин Блаженный жил в эпоху расцвета международного бит-движения, однако вместо шумной славы ему была суждена жизнь на задворках профессиональной литературы. В 1990-е годы некое подобие славы к нему все-таки пришло: о Блаженном снимают документальные фильмы, выходят книги его стихов, появляются воспоминания и интервью, однако все это оборвалось со смертью поэта в 1999 году. Попытки возобновить разговор о поэте предпринимаются в основном в Минске, где он прожил большую часть жизни и где он воспринимается как один из отцов так называемой минской поэтической школы. О В. Блаженном можно говорить и как о пропущенном звене во «фронтном поколении», и как об одном из родоначальников новой христианской поэзии за несколько десятилетий до Виктора Кривулина и Ольги Седаковой, и — что здесь важнее всего — как о продолжателе эмерсоно-уитменовской традиции, трансформировавшем свойственный ей несколько размытый «пантеизм» в новую религиозность.

Преобразование В. Блаженного в неохристианского поэта происходит во второй половине его жизни, и именно стихами этого времени он более всего известен. Его христианство имеет гибридную природу: православие в нем смешивалось с католицизмом в духе греко-католического унияства, распространенного в Витебской области, где прошло детство поэта, и в подтексте имело мессианический иудаизм, пронизывавший все стихи Блаженного, определяя их мотивную структуру. Описывая религиозность поэта, Григорий Померанц характеризовал ее как ««христовский», окрашенный духом Христа синкретизм», замечая также, что в нем «временам возникает сходство с пантеизмом» [7, с. 240].

Характерна в этом отношении и судьба псевдонима поэта: Вениамин Айзенштадт стал Вениамином Блаженным в начале 1980-х — таким именем

были подписаны его первые публикации в советской печати (в «Дне поэзии» 1982 года), но изначально псевдоним имел форму патронима «Блаженных», то есть «блаженным» был не сам поэт, а его отец¹. И хотя псевдоним был придуман публикатором, поэт его принял не только как емкую характеристику собственной манеры, но и как знак принадлежности к духовной традиции.

На «синкретический» характер духовности В. Блаженного среди прочего указывает мотив, одинаково важный и для ранних, и для поздних его стихов — то, что животные вместе с людьми должны получить искупление и быть спасены в судный день. Согласно точке зрения, принятой и в православии, и в католичестве, души животных в отличие от душ людей разрушимы. Тем не менее, в католической традиции этот мотив находит косвенную поддержку в лице Франциска Ассизского, по образу легенд о котором В. Блаженный во многом конструирует собственную поэтическую биографию (Франциска до канонизации нередко называли «блаженным», и это определение за ним закрепилось):

Моление о кошках и собаках,
О маленьких изгоях бытия,
Живущих на помойках и в оврагах
И вечно-неприкаянных, как я.

Моление об их голодных вздохах...
О, сколько слез я пролил на веку,
А звери молча сетуют на Бога,
Они не плачут, а глядят в тоску.

Они глядят так долго, долго, долго,
Что перед ними, как бы наяву,
Рябит слеза огромная, как Волга,
Слеза Зверей... И в ней они плывут... [3, с. 45–46].

До рубежа XIX–XX века Франциск практически не был известен в России, но в первые годы века ситуация меняется: в 1904 году Поликсена Соловьева переводит “Fioretti”, каноническое собрание легенд о Франциске, спустя два года выходит книга Владимира Герье «Франциск, апостол нищеты и любви»,

¹ Мотив «блаженного» отца и его наследия — один из основных у поэта. В стихотворении «Родословная», название которого заставляет вспомнить о «Происхождении» Эдуарда Багрицкого, читаем: «Отец мой — Михл Айзенштадт — был всех глупей в местечке. / Он утверждал, что есть душа у волка и овечки» [3, с. 25]. При этом остается неясным, реальные факты лежат в основе этого стихотворения или же это результат работы поэтического воображения, притом что в целом из литературы о В. Блаженном создается впечатление, что поэт нередко манипулирует собственной биографией. Хорошо известно, что пристрастием к таким манипуляциям отличался и У. Уитмен: например, одно из его стихотворений называется «Рожденный на Помоноке», хотя поэт родился в Хантингтоне, который тоже располагается на Лонг-Айленде, но в другой его части.

святым из Ассизи восхищаются молодые Бердяев и Блок (подробнее см. [5]) — дальше эхо этого движения вполне могло докатиться и до Вениамина Айзенштадта. В легендах о Франциске вопрос о том, попадут ли животные в царство небесное, избегается, однако сами эти легенды часто устроены так, что ответить на этот вопрос положительно очень легко:

Однажды проходя по Сполетской дороге, Франциск подошел к месту, на котором собралось множество разных птиц — голубей, ворон и воробьев. Завидев их, блаженный слуга Господень, Франциск, радостно подбежал к ним, оставя своих спутников ... он с великой радостью смиренно стал упрашивать их, чтобы они послушали слово Божие. И между прочим говорил им следующее: «Сестрицы мои пташки, вам следует громко восхвалять Творца вашего и всегда любить Того, Кто одел вас перьями и дал крылья для полета и снабдил всем, что вам нужно...» [4, с. 145–146].

За образом Франциска, молящегося о животных, просматривается «пантенистическая» мысль о том, что все живые существа обладают общей душой: такой взгляд, безусловно, был неприемлем для ортодоксальных церковей, однако созвучен унитаризму, в тесном контакте с которым складывались взгляды Р. У. Эмерсона². Схожие мотивы можно найти и в среде битников: так, Джек Керуак, выходец из католической среды (его родители были родом из Квебека), в эссе «Истоки битпоколения», опубликованном в журнале «Плейбой» (!) в 1959 году, связывал слово *beat* с латинским *beatus* 'блаженный'. В том же эссе он передает наставление, которое дал ему брат перед смертью, очень напоминающее проповедь Святого Франциска: «Жан, никогда не причиняй вреда живым существам, потому что все они, будь это просто котенок или белка — не важно кто, все попадут на небеса прямо в белоснежные руки Господа, так что никому никогда не делай больно...» [1, с. 614]. Керуак рассуждает про созвучность битников с католицизмом в те годы, когда образ битников в целом сложился: уже вышли романы «Бродяги Дхармы» и «На дороге», рисующие портрет поколения как занятого столько же непрестанными, сколько и хаотичными духовными поисками. Но католический сюжет для битников оставался, скорее, на периферии, и хотя они испытывали к католицизму симпатию как ко всем верованиям, отличающимся от доминирующих в американском истеблишменте ветвей протестантизма³, куда более их привлекала «восточная» духовность — прежде всего, дзен-буддизм.

Для битников дзен был логическим продолжением того интереса к Востоку, который был характерен уже для Эмерсона, восхищавшегося «Бхагават-гитой».

---

² И Франциск, и Эмерсон — крайне уважаемые фигуры в универсалистском унитаризме, широко распространенном в США. Не случайно, что эта конгрегация довольно активна в отношении защиты прав животных.

³ О положении католиков в американском истеблишменте говорит хотя бы тот факт, что первым президентом-католиком в истории США был Джон Ф. Кеннеди, а вторым — недавно избранный Джо Байден.

Эмерсон читал «Гиту» в английском переводе Чарльза Уилкенса (1785), и хотя в личной библиотеке философа этот том оказался только в 1845 году, когда его взгляды на природу поэзии и поэтического уже сформировались, считается, что до этого он уже знал содержание «Гиты» из разных вторичных источников, трактовавших ее в русле наиболее популярного на тот момент направления индийской мысли — адвайта-веданты [10, р. 32–34 et passim]. Считается, что это учение формировалось в конце первого тысячелетия нашей эры в полемике с буддизмом махаяны и впитало многие его черты — прежде всего, представление об иллюзорности предметного мира и, напротив, реальности трансцендентного. В то же время, в западной интерпретации оно напоминает об унитаристской теологии, отвергающей троицу, божественную природу Христа и любые промежуточные инстанции между человеком и трансцендентным⁴. Сам Эмерсон склонен был смешивать буддизм и с ведантой, и с унитаризмом, считая «Гиту» памятником буддистской мысли, но трактуя ее в ведантийском ключе⁵.

Все эти теологические тонкости помогают прояснить связь между, с одной стороны, Эмерсоном и религиозными поисками битников, а с другой, понять, с каким международным контекстом были связаны те мотивы советских уитменианцев, которые трудно объяснить, опираясь только на советский контекст. Буддизм оказался так близок битникам не в последнюю очередь потому, что воспринимался через призму уже хорошо знакомой философии Эмерсона, испытавшей влияние веданты. Именно к веданте близок тот «пантеизм», который потом получит такое обширное развитие у Эмерсона, чтобы затем отразиться в поэзии Уитмена и его продолжателей. Одна из центральных идей Эмерсона, заимствованных из этой традиции, — подобие между человеком и вселенной, микрокосмом и макрокосмом: она отражается в его размышлениях о всех вещах, превосходящих бытие отдельного человека — о природе, истории, политике, поэтическом творчестве.

Казалось бы, В. Блаженный в отличие от всех перечисленных поэтов не увлекался восточными учениями или, по крайней мере, об этом ничего не известно. Однако то, что синхронные процессы происходили и в Советском Союзе, можно увидеть на примере упоминавшегося выше Григория Померанца, который, с одной стороны, был связан с кругом поэтов ИФЛИ, а с другой, был одним из немногих пропагандистов поэзии Вениамина Блаженного в 1980-е годы. За полтора десятилетия до этого, в 1968 году, Г. Померанц

⁴ Сходны даже их названия: *advaita* на санскрите ‘недвойственная’; оба учения, таким образом, подчеркивают отсутствие в мире дуализма.

⁵ Незадолго до того, как в библиотеке Эмерсона появляется копия «Бхагават-гиты», в возглавляемом им журнале “The Dial” вышли фрагменты «Лотусовой сутры», одной из самых почитаемых в буддизме Махаяны, в переводе с французского одного из ближайших сподвижников Эмерсона Генри Торо. См. также [9].

пишет диссертацию «Некоторые течения восточного религиозного нигилизма», где рассматриваются современные атеистические трактовки буддизма и среди них так называемый «битнический дзен» — тот комплекс идей, который битники вынесли из восточной духовности. В самом начале этой работы Г. Померанц определяет предмет своего исследования как «мистические учения», в центре которых «стоит переживание мира как распределенного единства, снятие противоположностей субъекта и объекта, добра и зла» — все то, что можно в избытке найти в литературе битников [6, с. 6]. Диссертация так и не была защищена, но ее автореферат был напечатан и разослан по библиотекам, а рукопись в каком-то виде циркулировала в самиздате: известно, что с ней был знаком Андрей Тарковский (при том, что его отец, Арсений Тарковский, на протяжении многих лет был одним из корреспондентов В. Блаженного — как и супруга Г. Померанца Зинаида Миркина).

Подобными «нигилистическими» настроениями проникнута и ранняя, «дохристианская» поэзия В. Блаженного, внешне никак не опирающаяся на восточную духовность:

Когда я думаю о самоубийстве
и засовываю
в карман револьвер —
Изю рта высовывается
                                строчка прощальной грусти, —
                                длинная до неприличия...
                                Хочется спешно ее проглотить —
И жить дальше.
Притащить радость
Старому развратнику горя...
<...>
Я видел Смерть.
Я строил башню.
Смерть прошла сквозь башню, и меня, и мир, ничего не заметив
[2, с. 11]⁶.

Среди битников одним из наиболее последовательных выразителей этого круга идей был Гэри Снайдер, на протяжении многих лет пропагандировавший дзен-буддизм, находя в нем обоснование для инициатив по защите природы и животного мира (еще одно сходство битнического буддизма с унитаризмом). Известно, что основной автор, от которого битники узнавали о буддизме, — Д. Т. Судзуки, японский философ близкий одновременно и к киотской школе, и к Карлу Густаву Юнгу, влияние которого в США неуклонно растет, начиная

---

⁶ Отдельного внимания в этом стихотворении заслуживает аллюзия на финальную сцену поэмы Эдуарда Багрицкого «Февраль».

с 1930-х годов⁷. Судзуки интерпретировал буддизм как чисто интеллектуальное течение, лишенное национальных черт и специфических форм культуры, которые могли бы остаться непонятными западной аудитории. Еще более отчетливо тенденция воспринимать буддизм не как религию, но как особый «нигилистический», по выражению Г. Померанца, взгляд на мир заявляла о себе у литераторов. Красноречивыми примерами такого «гибридного» буддизма полон роман Керуака «Бродяги дхармы», герои которого смешивают разные учения и концептуальные системы с удивительной легкостью.

Одно из наиболее отчетливых выражений таких тенденций в литературе битников — «Сутра дымчатого медведя» (1960) Снайдера, где дымчатый медведь изображен в виде Будды. Этот текст стилистически связан с литературой сутр (философских или нравоучительных трактатов), которая в то время в довольно обширном количестве переводилась на английский, и, прежде всего, с «Алмазной сутрой» в переводе Судзуки (1934):

Сердитый, но Мирный, Забавный, но Строгий, Дымчатый Медведь
принесет Просветление тому, кто поможет ему; тех же, кто таит
злобу или клеветает на него,

ОН ПРОГОНИТ ПРОЧЬ.

Вот его великая Мантра: <...>

«Я ПОСВЯЩАЮ СЕБЯ АЛМАЗУ ВСЕЛЕННОЙ
ДА ПОГИБНЕТ ЗЛОБНАЯ ЯРОСТЬ МИРА» [1, с. 288].

Уже по этому отрывку видно, что буддизм Снайдера имеет ярко выраженный пантеистический характер, связывающий его, скорее, не с историческим буддизмом, а с эмерсоновской околунитаристской традицией и международным уитменианством. В то же время, эта поэма заставляет вспомнить и о стихах Вениамина Блаженного, где нет теологических тонкостей американского уитменианства, но где, однако, эмерсоновская программа присутствует в «свернутом» виде, подспудно определяя тот духовный контекст, который в котором эта поэзия формировалась.

Большинство стихов В. Блаженного написаны монотонным классическим стихом, с довольно бедным репертуаром размеров: две пятых стихов его корпуса написано трехсложниками, всегда очень однообразными ритмически, и две пятых — вместе пяти- и шестистопным ямбом. На этом фоне выделяются ранние стихи, лишенные метра и рифмы, использующие длинные строки; выделяются они и тематически — во многих из них речь идет о том, как преодолеть границу между «Я» и миром, в которую часто всматривались другие поэты-уитменианцы. У молодого В. Блаженного способом пересечь такую границу оказывается эротика, пантеистически разлитая по всему миру:

⁷ Подробнее о пересечениях Судзуки с американской богемой см. [8].

Чресла мои не бесплодны,
Орган любви работает безотказно,
Работает, — пишу я,
Ибо утолить женщину — это тоже работа,
Приятная, грубая, божественная работа,
Мужчина и женщина принимают в ней равное участие,

<...>

Жеребец утолил горячку желанья,
Животные утомились божественной работой,
Они возвращались одним путем
(Зовите Природой — зовите Любовью),
Могучий круп жеребца нервно подрагивал,
Все кругом пахло музыкой.
Пели цветы.
Пела река.

Все это пахло гениально [2, с. 12–13].

Однозначно уитменианских стихов у В. Блаженного немного, и все они в основном принадлежат к раннему периоду — к тому, что написано во время или в первые годы после войны. В дальнейшем космическое «Я» У. Уитмена, стремящееся охватить собой весь мир, претерпевает в поэзии В. Блаженного болезненную метаморфозу: оно словно бы впадает в состояние непрерывного самоуменьшения, в котором заметно сходство с христианским кенозисом. В эту сторону уитменовское «Я» начинает развиваться уже у В. Маяковского, с легкостью переходившего от гигантизма к самоуничижению, но у В. Блаженного такой процесс становится основой поэтики. При этом монотонный классический стих, которым В. Блаженный пользуется в зрелом творчестве, скрывает то, что такое понимание «Я» своеобразно наследует У. Уитмену, последовательно развивая «Песню о себе»: грандиозное «Я» как будто «лопается», пытаясь вместить в себя все многообразие явлений. По сути, именно такую структуру «Я» описывает псевдоним поэта — оно «блаженное», утратившее границы между собой и миром, пережившее опыт кенозиса.

В поздних стихах такого рода кенозис иногда все-таки сочетается с уитменовской поэтикой, позволяя наглядно опознать поэтическую генеалогию В. Блаженного:

Это меня, самое хрупкое в мире существо,
Хотите вы заточить в клетку, прикрепить инвентарный номер...
А вы разве знаете, чем меня кормить, чем меня поить,
Может быть, я ем только звёзды и пью материнские слёзы,
К тому же вы меня не дотащите до вашей клетки,
Я растаю в ваших руках, как лёгкое облако,
Как трупик бабочки-однодневки [2, с. 43].

В этом небольшом стихотворении есть «Я» и другие, есть намек на космизм и гигантизм, проявляющийся в аллюзии на «Облако в штанах» («Я ем только звезды»), и есть характерная текучесть и проницаемость границ между миром и «Я» («Я расту в ваших руках, как легкое облако»), но, в то же время, «Я» здесь ощущается хрупким и беззащитным; другие для него — не те, с кем можно вступить в любовную связь как в ранних стихах, но те, кто приносят боль и разрушение.

Несмотря на то, что в постсоветское время стихи В. Блаженного регулярно публиковались и привлекали внимание критики, развиваемая им линия почти не получила продолжения, хотя отдельные сходства с ней можно заметить в поэзии Дмитрия Строчева, Сергея Круглова, Ильи Риссенберга и даже Аллы Горбуновой — авторов, принадлежащих к разным поколениям и живущих вдали друг от друга, из которых только Строчев целенаправленно занимался наследием поэта. Все эти поэты обращаются к сходным мотивам, по-своему их развивая, и нередко уитменианская нота в их поэзии слышна даже отчетливее, чем у самого В. Блаженного.

Библиографические ссылки

1. Антология поэзии битников / пер. с англ.; сост. Галины Андреевой. М.: Ультра. Культура, 2004.
2. Блаженный В. Верлибры. Минск: Новые мехи, 2011.
3. Блаженный В. Сораспятье. М.: Время, 2009.
4. Герье В. Франциск: апостол нищеты и любви. М., 1906.
5. Исупов К. Г. Франциск из Ассизи в памяти русской литературно-философской культуры // Вопросы литературы. 2006. № 6.
6. Померанц Г. Некоторые течения восточного религиозного нигилизма. Харьков: Права человека, 2015.
7. Померанц Г. С. Страстная односторонность и бесстрашие духа. 2-е изд. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2014.
8. Фаликов Б. Величина качества. Оккультизм, религии Востока и искусство XX века. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 195–222.
9. Detweiler R. Emerson and Zen // American Quarterly. 1962. Vol. 14, № 3. P. 422–438.
10. Engels J. D. The Ethics of Oneness. Emerson, Whitman, and the Bhagavad Gita. Chicago; London: University of Chicago Press, 2021.
11. Paramanda S. Emerson and Vedanta. Los Angeles: Vedanta Centre Publishers, 1918.